

Гафарова Р.И.

УДК 81'373.611:811.161.1

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ**В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ****(НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И НАРОДНЫХ ПЕСЕН)**

***Аннотация.** Внимание к цвету присуще культуре каждого народа, поскольку он обладает эмоциональным воздействием на читателя. В статье рассматриваются особенности семантики колоративов в крымскотатарской паремииологии и народно-песенном искусстве. Проведенный лексико-семантический анализ прилагательных цветообозначения обосновывает универсальность категории цветовосприятия крымскотатарского фольклора и достаточно четко выявляет национально-специфические особенности семантического пространства данного пласта лексики.*

***Ключевые слова:** колоративная лексика, цветообозначения, семантика, паремииология, народно-песенные текст.*

***Анотація.** Увага до кольору притаманне культурі кожного народу, оскільки він володіє емоційним впливом на читача. У статті розглядаються особливості семантики колоративов у крымськотатарській пареміології і народно-пісенному мистецтві. Проведений лексико-семантичний аналіз прикметників цветообозначення обґрунтовує універсальність категорії кольоросприйняття крымськотатарського фольклору і досить чітко виявляє національно-специфічні особливості семантичного простору даного пласта лексики.*

***Ключові слова:** колоративна лексика, цветообозначення, семантика, пареміологія, народно-пісенні текст.*

***Summary.** Attention to the color characteristic of the culture of every nation, because it has an emotional impact on the reader. The article discusses the features of the semantics of a Crimean Tatar kolorativov paremiology and folk-song art. Conducted by the lexical-semantic analysis of adjectives tcvetooboznachenija proves the universality of the category of color perception of the Crimean Tatar folklore and quite clearly reveals the national specifics of the semantic space of the reservoir vocabulary.*

Relevance of represented research is caused by keen interest of modern linguistics in research of language conceptualization of the world and special attention in studying of lexicon of color designation as representant of national cultures. The kolorativ lexicon and its concrete semantic filling as a part of proverbs and national songs of crimeantatar language remains low-investigated.

Functioning of color designation of crimeantatar language in paremiological lexicon and lexicon of national and song lyrics opens a national and cultural originality of crimeantatar culture.

Research of kolorativ words in paremiological units reveals unconditional leadership in rate and existence in structure of value additional this of white and black color and in some cases they lose direct, color sense.

Supervision showed that in national songs achromatic and chromatic colors coexist on an equal footing. In the texts the most frequent are lexemes white, black, blue, red and yellow, that is marked colors traditionally allocated by the person. They realize the esthetic opportunities at creation of the primary figurativeness based on a direct denotative relatedness of words.

***Keywords:** kolorativnaya vocabulary, color terms, semantics, paremiologiya, folk song*

Многое в окружающей нас действительности воспринимается посредством цветами при помощи его. За именами цвета стоит обширный информационный, потенциал. Благодаря первичности перцептивной формы освоения мира и способности цвета влиять на физическое и эмоциональное состояние человека, цвет становится культуuroобразующим фактором и является – важной частью концептуальной картины мира.

Символика цвета в культуре любого народа имеет особое значение. Фактически цветовые обозначения являются знаками. «Как известно, паремииологическая единица (в том числе и с колоративным компонентом) – это не просто вторичный языковой знак, передающий информацию и являющийся замкнутой устойчивой фразой. Это знак, хранящий и воспроизводящий культурные установки народа, знак, в образном содержании которого воплощено «культурно-национальное мировидение» [8, с. 231].

Актуальность представляемого исследования обусловлена повышенным интересом современного языкознания к исследованию языковой концептуализации мира и особым вниманием к изучению лексики цветообозначений как репрезентантов национальных культур. Колоративная лексика и ее конкретное смысловое наполнение в составе пословиц и народных песен крымскотатарского языка остается малоисследованным.

Цель данной статьи – проанализировать колоративы как компоненты пословиц, поговорок и народных песен с целью выявления их глубинных смыслов.

Конкретным материалом исследования послужили факты, представляющие собой устойчивые изречения с цветовым компонентом, взятые из собрания пословиц и поговорок крымскотатарского народа Шевкета Асанова, представленного изданиями «Аталар сезлер ве айтмалар» и «Къырымтытырларынъ аталар сезлери» под редакцией Рефика Музафарова, «Звучит хайтарма» Ягъя Шерфединов, Kırim tatar şarkıları (Крымскотатарские песни) Zauza Kakuk, Hasan Eren, Zeynep Korkmaz.

В языке интерес к словам, обозначающим цвет, не иссякает на протяжении десятилетий. «Человек живет в цветовом мире и цвет тысячу невидимых нитей связан с каждым из нас, но “взаимонаполнения человека с цветом – одна из самых больших загадок”» [5, с. 179].

Цвет, используемый в пословицах и народных песнях крымских татар, тоже несет в себе глубокий смысл, психологическое восприятие того или иного предмета быта. Справедливо предположить, что если для нас сегодня значим цвет нашей далеко не традиционной одежды, а может быть, и каких-либо еще

вещей, то символика цвета в народной культуре достаточно важна. Таким образом, цвет – признак, получающий в народной культуре символическую трактовку.

Семиотические признаки цвета представляются базисным знаковым

комплексом самых разных культурных парадигм, «имена цвета во всех языках принадлежат к самым древним группам слов. Издавна человек наделял цвет символическим значением, чувства цвета являются популярнейшей формой эстетического чувства вообще. Современные исследователи пишут о цвето моделировании интеллекта; обозначения цветов во всех языках представляют собой концентрированные обозначения больших областей психобиологического опыта» [2, с. 6].

В последнее время проблема цветообозначений привлекает внимание ученых. Функционирование колоративов рассматривалось в различных лингвистических исследованиях: описание семантической структуры (А.А. Брагина, Е.А. Дивина, И.В. Макеенко), стилистические особенности и их функционирование в тексте (Л.А. Качаева, Г. Г. Полишук), психолингвистический анализ (А.П. Василевич, Р.М. Фрумкина), сопоставительный, лингвокультурологический анализ (В. Г. Гак, А.А. Залевская) и др.

Наше обращение к символике цвета в крымскотатарской фольклорной традиции выстраивается на «перекрестке» нескольких теоретико-методологических опытов филологического (и шире – антропологического)

описания и толкования значимости и значений цвета (любого другого слово-

образа) в картине мира. Ориентированность на разные теоретические и методологические подходы расширяет понятийный инструментарий и делает возможным включение цветограммы национальной культуры в орбиту обширной гуманитарной практики. С.М. Белякова считает, что «цветообозначения приобретают лейтмотивный характер, становятся сквозными образами, значимыми для конструирования национальной картины мира» [1].

Цветовую символику крымскотатарской фольклорной традиции мы рассматриваем во-первых в контексте признакового пространства культуры. Символика цвета является доминантным признаком в символическом культурном языке, ей отводится важнейшее место в семиотической классификации признаков [9, с. 18].

Цветовые словообразы в крымскотатарском фольклорном тексте мы связываем с концепцией «ключевых слов» тюрколога К.Н. Кононова [4]. Знаки цвета как поэтико-стилевая данность фольклора и как широкое всеобъемлюще характерологическое явление могут быть прочитаны в русле положений этнопоэтической константности, сформулированных В.М. Гацаком [3, с. 94-95]. Цветовые категории в крымскотатарском вербальном фольклоре должны стать объектом соотнесения, отождествления с этнографическими материалами. Такой подход позволяет установить связь между этнографической реальностью и фольклором путем включения песенного образа или мотива в широкий культурный контекст и их тщательного сопоставления друг с другом, что в свою очередь дает положительные результаты для прочтения самого фольклорного мотива, выявления его семантики и функционирования.

В крымскотатарских пословицах наиболее значимыми являются противопоставления белого и черного (светлого и темного), соотносимого с оппозициями жизнь/смерть, хороший/плохой и др.: *Акь акьча кьара кунь ичюн (Честные деньги на черный день)*; *Без отмок де кьара ерден чыкьа (Белый хлеб прорастает из черной земли)*. Символика каждого из этих цветов дуалистична. Рассмотрим каждый колоратив.

Белый цвет первый и главный; в палитре он – «мать-цвет», от него «произошли» все остальные цвета. Н.К. Кононов перечисляет следующие значения лексемы акь: «1) белый, 2) чистый, незапятнанный, невинный, честный, правильный, прекрасный, роскошный, великолепный, 3) сивый «масть лошади», 4) белизна, белок глаза, яйца. 5) бельмо, 6) молочные продукты» [4, с. 170]. Он олицетворяет собой счастье и благополучие, чистоту и благородство, честность и добро, почет и высокое положение в обществе. Все предметы, окрашенные в белый цвет природой, заключают в себе вышеперечисленные качества. В числе белых предметов сакрального назначения следует назвать белый войлок, на котором поднимали избранного на курултае хана, на кусок белого войлока сажали молодых в свадебном обряде; белый войлок расстилали на месте погребения. По этой же причине особо ценились животные белой масти, особенно кони и верблюды. В традиционной культуре тюрков белый цвет является сакральным, т.е. белое – это символ чистоты, непорочности, справедливости, а также высокого социального положения. Так, правящий род чингизидов назывался «акь суйек» – белая кость.

По мнению А. Меметова «восприятие белого цвета вызывает по ассоциации представление о чем-то положительном, хорошем, светлом, на основе чего возникает потенциальная сема ‘светлый, чистый, незапятнанный’ которая становится базой для образования метафорически переносных значений» [7, с. 155]. На основе этого нами были выделены лексико-семантические варианты колоратива акь (белый).

В значении цвета ‘белый’ зафиксированы лексема акь выделена в следующих пословицах: *Акькьа кьара тез тиер (К белому черное быстро пристанет)*; *Акь кьаз чамурдан чыкькьанда да акь кьала (Белый гусь и из грязи белым выйдет)*, *Акь олмаса да, пак олур (Даже если белым не будет, то чистым будет)*, *Акь урба кир котермей (Белая одежда грязи не терпит)*, *Акь намукьтан акь копекке зарары бар (От белого хлопка даже белой собаке – вред)*.

В значении ‘чистый’: *Акь севгенни халкь север (Чистую любовь народ признает)*.

Колоратив акь в значении ‘честный’ выявлен в одной паремиологической единице: *Акь сез агьувдан аджджыдыр (Честное слово горьче изжоги)*.

Синонимическое прилагательное *беяз* (белый) встречается в двух пословицах в прямом основном значении: *Беяз отмок де къара ерден чыкъа* (Белый хлеб прорастает из черной земли), *Беязын ады бар эмерин тады* (У блондинок слава, у брюнеток – шарм/обаяние).

Наиболее конкретной и однозначной символикой обладает черный цвет, который ассоциируется с мраком, землей, смертью, выступает как знак траура. Н.К. Кононов отмечает, что лексема *кара* представлена в следующих значениях: «1) ‘черный’, ‘темный’, ‘мрачный’, ‘суровый’, ‘печальный’, ‘несчастный’, 2) ‘скот’, ‘толпа’, ‘народ’, ‘войско’, 3) ‘суша’, ‘земля’, 4) ‘холм’, ‘сопка’, ‘высокий бугор’» [4, 161].

В крымскотатарских пословицах имя **кара* в служит лексической номинацией отрицательных эмоций и различных негативных явлений: ‘мрачный’, ‘безотрадный’ *Дост къара куньде белли олур* (Друг познается в тяжёлые дни), ‘траур’ *Къара хабер тез белли олур* (Черная весть быстро приходит); ‘тягостный’ *Къара кунь къайтайтыр* (Черные дни быстро старят), *Къара омюрден акъ олюм яхиши* (лучше быстрая смерть, чем тяжёлая жизнь), *Яхиши мал къара куньге* (Хорошее имущество на черные дни); ‘скверный’, ‘коварный’ *Къальби къаранынъ ишиде кърадыр* (У человека с черной душой и дела черные); ‘зависть’ *Ичи къаранынъ юзюнде нур олмаз* (Если душа черная, то и лицо не светится) и др. А. Меметов констатирует, что «все оценочные значения возникли на основе потенциальной семы ‘плохой, неприятный, злоедей’ которая берет начало от ассоциативного представления, сопровождающего восприятие черного цвета» [7, с. 154].

В значении цвета зафиксированы следующие паремиологические единицы: *Къара копек, акъ копек – эпсиде копекдир* (Черная собака, белая собака – все равно пес), *Къара юнни ювсанъ да, эп бир агъармаз* (Даже если черную шерсть постираешь, все равно она не побелеет), *Топракъ къара олса да, алтын къыйметиндедир* (Земля черная, однако дороже золота), *Къара агъармаз, къыйыш гонъюли – догърулмаз* (Черный не побелеет, криводушный не выпрямится), *Къара бет масхаралыкъ дегиль, бетсизмен – масхаралыкъ* (Быть темнолицым – не позор, позор – безликим (лицемером) быть), *Къавенинъ озю къара, амма юз агъартыр* (кофе черен, но лицо белит «о гостеприимстве»).

Выявлены пословицы в которых лексема * *кара* выступает в значении ‘суша’, ‘земля’: *Къара ернинъ къарыны кенъ* (Черной земли нутро широкое), *Эгильгенде – эгиль, башынъ ерге тийгендже, эгильмегенге – эгильме, тенинъ къара ерге киргенде* (Если кланяется – поклонись до земли, если не кланяется – не кланяйся, пока тело твоё не будет в земле).

В пословицах крымских татар семантическая структура имени *кара* развернута «синтагматически», т.е. представлена в виде устойчивых атрибутивных словосочетаний: *къара ер* – могила, *къара севда* – любить страстно, страдать. Причем семантика имени цвета в подобных выражениях оказывается предельно общей; по мнению специалистов, в этом случае оно выполняет функцию усилительного слова.

Материал показал, что в крымскотатарских пословицах преобладают ахроматические колоративы *къара* и *акъ*.

Контрастные отношения создаются между ахроматическими цветами, *къара* и *акъ* цвета занимают полюсы на оси по светлоте. Эти цвета противопоставляются друг другу в высшей степени, что равно противопоставлению между светом и тьмой, добром и злом, печалью и радостью.

В процессе исследования были рассмотрены тексты крымскотатарских народных песен.

Музыка, так же как и любое другое искусство, порождает символичность. Любой музыкальный звук может стать символом, но при условии, что он приобретёт общественную значимость. Т.Н. Лазутина утверждает, «в музыкальном искусстве наличествуют различные знаковые системы, среди них единичные знаки и знаковые системы, а также символы, являющиеся самыми сложными из знаковобразований» [6, с. 6]. Песня – произведение не только словесно-поэтического искусства, но одновременно и музыкального, она выражает богатый мир человеческих чувств, сущность человека с поразительным разнообразием и глубиной с помощью сложной системы знаков, и поэтому язык музыки понятен всем, в какой-то мере его можно считать и межнациональным языком.

В работе впервые песни крымских татар рассматриваются с филологической точки зрения. Задача состоит в том, чтобы изучить и описать особенности функционирования цветообозначений в крымскотатарском народно-песенного искусстве. По мнению этнопсихологов, эмоциональность народа, что проявляется, в частности, в частом упоминании цвета в песне. Многоцветная картина мира помогает человеку глубже познать его.

В качестве текстового материала использованы сборник народных песен, записанных Я. Шерфединовым (Ташкент, 1978 г.) и песни крымских татар 1914 –1918 г., собранных Зсузса Какук (Анкара, 1993 г.).

При анализе песенных текстов было выявлено, что спектр цветов наиболее разнообразен, чем в пословицах крымскотатарского языка.

Къара / сия (черный). Цвет передает характер песни, в лирических песнях преобладает черный цвет, как цвет тоски и горя и печали: *Бурулчанынъ тюбюнде яман да урулдым, Къара да къашкъам юварланды, джаяв да юварланды / У речушки Бурулча ранили меня тяжело, Конь мой вороной пал, пришлось бежать пешком* («Алим»); *Анем де меним къара да сачъ сыйнап кестилер, Таи къоранынъ артында, анем, олюмин комдилер/ Ах, мать моя, мои черные косы обрезали, скрутив, За каменной оградой, мать моя, зарыли мой труп* («Топузлы шалым/ Шаль моя с бахрамой»); и др.

Цвет черный для тюркских народов является еще сакральным. При обозначении цвета животного, то это животное является святым и несет могучую силу. По обычаю было принято приносить в жертву черную курицу: *Къара тавукъ къакъылдар, ай, Къанатлары шакъылдар / Черная курица кудахчет, и хлопает крыльями* («Къара тавукъ / Черная курица»), песня о предстоящем сватовстве.

Лексема *къара* используется в сочетании с соматизмами: *Къаралыр къашларынъ, къара, сен ачтынъ синеме яра, ах, анам / Черны твои брови, черны, ты изранила мое сердце* («Меджбур олдум / Стал я пленником»); *Селямлар олсун къара козьлю ханыма, Залым душман къаст эйледи джаныма / Привет моей черноокой любимой, Злые враги лишили меня жизни*(«Юксек минареден / С высокого минарета»); *Сенинъ къашынъ къарасы, Меним бахтым, ах / Твои черные глаза – это мое счастье* («Ганъ йылдызы / Утренняя звезда») и др.

Для усиления оттенка употребляется используется синоним *сия / черный*: *Къашы къара, киртиги къара, Бенълери сия олур / Брови черные, ресницы черные, родинки еще чернее станут* («Бир гузель / Одна красавица»), *Къара къашынъ тубинде, Сиях козинъ, ах, ах / Под черными бровями черно-синие глаза* («Акъшам олду / Настал вечер»).

Без / акъ (белый). В песенных текстах использование лексемы *без* частотно. Следует отметить, что колоратив *без / белый* «не имеет в своей семантической структуре метафорически переносных значений» [7, с. 157], т.е. лексема употребляется в исходном основном значении: *Шекерленмиш ол без гердан, аман, Ах, сарылыым индже беле / нежная твоя шея бела, как сахар, аман, Обвиться бы мне вокруг тонкого стана* («Меджбур олдум / Стал пленником»); *Элимдеки без да мендиль, Учты, кетти еллери / Белый платок мой, унес ветер из рук* («Саба олса / Наступит утро») и др.

Также прилагательные *без, акъ* употребляется в одном контексте для усиления оттенка: *Без кольмек, акъ гердан, баба, буламадынъ дердима дерман / Белая сорочка, белая шея, Отец, не угадал ты мое желание* («А, кызым, сени киме берейим / Дочь моя, хочешь выдам тебя замуж», *Акъ къююн, без баш къююн, Дагълери энип де гелир / Белый ягенок, белоголовый ягенок, С гор спускается ...*(«Акъ къююн / белый ягенок»).

В печенных текстах представлены хроматические цвета, в крымскотатарском языке представлены следующими единицами.

Кок / мавы (голубой). А.Н. Кононов представляет такие значения лексемы *кок* «1) ‘синий’, ‘голубой’, ‘лазурный’, ‘светло-зеленый’, ‘сизый’, ‘небесного цвета’, ‘цвет молодой зелени’, ‘серый’, ‘сивый’» [4, с. 172]. Как известно, этот цвет – символ ясного, чистого неба, символ воды (символ возрождения), добра, мира, который особо почитается в тюркском мире. А. Меметов конкретизирует, что « в крымскотатарском литературном языке *кок* служит названием одного из основных цветов спектра – синий, т. е. имеющий окраску среднюю между фиолетовым и зеленым: *кок тюс – синий цвет, кок боя – синяя краска*. лексема *кок* употребляется также для обозначения окраски небесного, светло-синего, т.е. голубого цвета: *кок козьлер – голубые глаза*» [7, с. 161]. В текстах отмечены такие случаи употребления единицы *кок*: «*Колегим алдым кок нагъыш, джанай / На рубашке моей голубые узоры*» («Джанай»); «*Кок денъиз кенарында, Багъладым гами / У берегов синего моря оставил я свой парусник*» («Кок денъиз кенарында/ У синего моря»). Используется производное слово *кокче* в значении ‘светло-голубой’: «*Кокче олур козьлери, Джильве олур сезлери / Глаза светло-голубые, живой, кокетливо-нежный разговор*» («Тат кызы / Девушка с гор»).

В значении ‘сизый’ встречается в сочетании наименования птиц: «*Кок когерджин болайы да, Азбарынъа къонайым / Стану сизым голубем твоим, опущусь к тебе во двор*» («Кок когерджин» / Сизый голубь»).

Синонимичное прилагательное *мавы* служит для обозначения более насыщенного синего цвета: «*Мавы иле мор догме, Мавилем, аман, Кене де душтинъ гонълюме / Лилово-голубые пуговики, моя Мавиле, аман, Я вспомнил вновь о тебе*» («Мавилем»); «*Сидане козьлюм сыйырчакъ, мавы козь тора, аллай... / Глаза твои иссиня-черные, аллай*» (Частушка); «*Эльмалым козьлери мавы, Ириди юрегим ягъы / У Эльмалы моей синие глаза, Растопила она сердце мое*» («Эльмалым»).

Ешилъ (зеленый). В тюркской культуре зеленый цвет является символом райских садов, молодости и изобилия. «Исторически развитие семантики прилагательного *ешиль* в крымскотатарском языке шло от общего, нерасчлененного значения к более частному, конкретному: произошло сужение семантики лексемы *ешиль* от обозначения названия зеленого цвета и оттенка голубой до обозначения лишь одного зеленого цвета» [Меметов, с. 160]. В песенных текстах колоратив *ешиль* связан с пробуждением природы: «*Еширди чоллер, дагълар, Азан наврезим мубарек / Позеленели поля, горы, Да здравствует Наврез*» («Наврез»); «*Аваланып япракълар Ешергейди, яр, яр / Колышатся позеленевшие лепесточки*» («Бааръ / Весна») и др.

Къызыл / къырмызы (красный). В крымскотатарском языке реализуются в основном такие символические значения народных песен с компонентом цвета красный, которые связаны с молодостью, красотой: «*Ананым джаваным, гель яныма, Къызыл гуллер сачайым ёлунъа / О, моя прекрасная, приди ко мне, Усыплю твою дорогу красными розами*» («Багъчаларда кестане / В садах каштань»). Одно из значений красного цвета связано, с одной стороны, с чисто физиологической реакцией организма (из-за стыда или смущения).

Синоним арабско-персидского происхождения колоратив *къырмызы* отмечен в двух песнях: «*Ешилъ япракъ арасында къырмызы гуль гонджеси / Среди зеленых листьев бутон красной розы*» («Ешилъ япракъ арасында / Среди зеленых листьев»); «*Ай, тат кызы, тат кызы, Янакълары къаръызы / Ай, девушка с гор, девушка с гор, щечки красные*» («Тат кызы / Девушка с гор»).

Сары (желтый). А.Н. Кононов перечисляет такие оттенки колоратива *сары* «‘желтый’, ‘бледный’, ‘рыжий’, ‘русый ‘соловый (о лошади)’» [4, с. 174] У тюркских народов желтый, золотой цвет – цвет солнца. Он символизирует духовную и физическую чистоту, богатство, благополучие. В песнях зафиксированы случаи употребления колоратива *сары* в сочетании с лексемой *алтын* (золото) в значении ‘червонное золото’: «*Босагъасы сары алтын, акъсарай, ай, акъсарай, Сахип болыр къыбывыл, ай,*

кыбыбывыл / Белого дворца с порогами, ай из червонного золота, Быть ему, этому юноше, ай, хозяином («Эдиге»). В сочетании с одушевленными существительными лексема *сары* выступает в значении 'рыжий': «*Ай! Сары атымнынъсергусине салдым нер / Ай! оседлал я рыжего коня*» («Ногъай бейити»), «*Бир сары эчким бар эди, балалайым дер эди / Балы у меня рыжая коза, она принесет нам козлят*» («Сары эчким / Рыжая коза»).

В десяти песнях выявлена лексема *эля* 'карий', имеющая фразеологически связанное значение: «*Сельби да бойлу да, Эля да козлю де... / Высокая как тополь, карие глаза*» («Кайнана / Свекровь»); «*Айды да, джаным, эля да козлюм, мен санъа кельдим / Ах, душа моя, моя кареглазая, я к тебе пришел*» («Эля козлюм / Кареглазая моя») и др.

Материал показал, что колоративы крымскотатарского языка имеют добавочные семы, тем самым наблюдается четкая тенденция к сопряжению цветов: колоратив *а* в контексте «притягивает» к себе другой колоратив. Для колорита используется одновременно два цвета *ешиль (зеленый)* и *кырмазы (красный)*: «*Ешиль япракъ арасында, къармызы гуль гонджеси / Среди зеленых листьев, видны красные бутоны роз*» («*Ешиль япракъ арасында / Среди зеленых листьев*»; *къара (черный)* и *без (белый)*: «*Къара къойнынъ къозусы, Без олур базысы / Черной овечки ягнята порой рождаются белыми*» («Тавгъа бардым / Отправился я в лес»); *ал (алый)* и *без (белый)* «*Бир далда эки кираз, Бири ал, бири без / На одной ветке две черешни, одна алая, другая белая*» («*Эки чешме ян-яна / Два фонтана рядом*») и др. В тексте народной песни «Джанай» зафиксировано употребление одновременно трех колоративов *ал (алый)*, *чал (серый)*, *кок (голубой)*.

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Функционирование цветообозначений крымскотатарского языка в паремиологической лексике и лексики народно-песенной лирики раскрывает национально-культурное своеобразие крымскотатарской культуры.

2. Исследование колоративов в паремиологических единицах выявляет безусловное лидерство по частотности и наличию в структуре значения дополнительных сем белого и черного цвета и в отдельных случаях они утрачивают прямое, цветовое значение. Каждый колоратив таит в себе гораздо больше этнической информации, нежели нам удалось увидеть и передать в рамках небольшого исследования, поэтому перспективы подобного рода анализа практически неограничены.

3. Наблюдения показали, что в народных песнях в равных условиях сосуществуют ахроматические и хроматические цвета. В текстах наиболее частотными являются лексемы белый, черный, синий, красный и желтый, т. е. обозначенными оказываются цвета традиционно выделяемые человеком. Они реализуют свои эстетические возможности при создании первичной образности, основанной на прямой денотативной отнесенности слов. Цвет в зависимости от того, какую роль играет в идейной направленности, в эмоциональной окраске произведения, занимает определенное место в песнях: может пронизывать всю песню, организовывать ее; может передавать целую цветовую гамму, отражающую особенность, подчеркивающую своеобразие и неповторимость окружающего мира.

Источники и литература:

1. Белякова С. М. Цветовая картина мира И. А. Бунина (на материале романа «Жизнь Арсеньева» и цикла рассказов «Темные аллеи») / С. М. Белякова // И. А. Бунин. Диалог с миром. – Воронеж : Полиграф, 1999. – С. 146 – 151.
2. Габышева Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира : автореф. дис. на соискание ученой степени д. филол. наук : спец. 02.01.01 «Русский язык» / Л.Л. Габышева – М, 2003. – 40 с.
3. Гацак В. М. Фольклор – память традиции (уровни и формы этнопоэтической константности) / В.М. Гацак // Вестник Дагестанского научного центра. – Махачкала : Изд-во Дагест. ун-та, 2000. – № 8. – С. 94-95.
4. Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках / А. Н. Кононов // Тюркологический сборник. – М., 1975 – С. 159 – 180.
5. Кукушкин В.С. Цвет и свет в жизни учащихся / В. С. Кукушкин // Основы валеологии. – Новочеркасск, 1998. – 76 с.
6. Лазутина Т. В. Процесс символизации в музыке : автореф. дис. на соискание ученой степени д. филос. наук : спец. 09.00.01 «Филология» / Т. В. Лазутина. – Тюмень, 2003. – 40 с.
7. Меметов А. Лексико-семантическая структура и фонетико-морфологические особенности цветочных прилагательных / А. М. Меметов // Востоковедный сборник. – Симферополь, 1997 - вып. 1. – С. 153 – 163.
8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантические, прагматический и лингвокультурологический аспекты : монография / Вероника Николаевна Телия. – М. : Москва. Школа «Языки русской культуры», 1996 – 288 с.
9. Толстой Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов / Н. И. Толстой // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – С. 18 – 25.